

ПОСЛЕДНЯЯ ЗЕМНАЯ ДОРОГА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (к 80-летию со дня смерти)

Марина Кацева

Даты жизни Марины Цветаевой отстоят друг от друга на неполные 49 лет. При этом они расположились так, что каждые пять лет обе даты образуют юбилей. В августе прошлого, 2021 года, мир отмечал 80-летие со дня смерти поэта, а в нынешнем году празднуется 130-летье со дня её рождения. Конечно, нынешним поклонникам Марины Цветаевой трудно представить, какой радостью для советской интеллигенции стало возможным после тридцатилетнего замалчивания с её имени на родине был снят запрет, и мы могли отмечать цветаевские юбилеи открыто, без оглядки на начальство...

Один из первых официально разрешённых цветаевских юбилеев – 45-летие со дня смерти – пришёлся на август 1986 года. Толпы людей тогда потянулись к месту её захоронения, в город Елабугу. Желание побывать в этом месте не обошло стороной и меня. Решение поделить трёхнедельный отпуск между Тарусой и Елабугой, началом и концом её жизни, оказалось плодотворным, ибо не будь сначала *моей* встречи с цветаевской Тарусой, совсем другой была бы и *моя* встреча с цветаевской Елабугой.

Таруса

«Самое важное в жизни я узнала до семи лет.
Остальные сорок - осознавала...»
М. Цветаева

Путь из Москвы в Тарусу был долгим и утомительным. Однако, все «*дорожные жалобы*» меркли перед давней мечтой увидеть легендарный городок на Оке, который Марина считала своим *духовным истоком и называла «райским садом»*.

Описывать словами природные красоты Тарусы – занятие неблагодарное. Скажу лишь, что по сей день меня не оставляет чувство, что Таруса — это место, действительно зачарованное... Тарусу надо видеть, в Тарусу надо вслушаться, её надо вдохнуть ... - и тогда она воздаст сторицей.

В Тарусе я провела несколько дней, пытаюсь на окружающее смотреть глазами маленькой Марины. Ей было всего полгода, когда родители впервые привезли её в Тарусу, где профессор И.В. Цветаев по совету своего друга, художника Василия Поленова, снял у города внаём дачу для летнего отдыха своей семьи. И с тех пор в течение 16 лет, с 1892 (год рождения Марины) по 1910-й, каждое лето он вывозил своих детей в Тарусу.

Обе его дочери от второго брака, Муся и Ася, родились в Москве, но обе, став взрослыми, не мыслили себя без летней Тарусы. «*Полноценнее, счастливее детства, чем наше в Тарусе, я не знаю и не могу вообразить*» – вспоминает Ася.

«*Ты дал нам детство лучше сказки*», – вторит ей Марина.

И потом в течение жизни они обе будут постоянно «окликать» своё тарусское детство. Особенно Марина: «*Как я люблю своё детство, своё до-семилетие! И как бы я его описала, если бы мне дали!*»

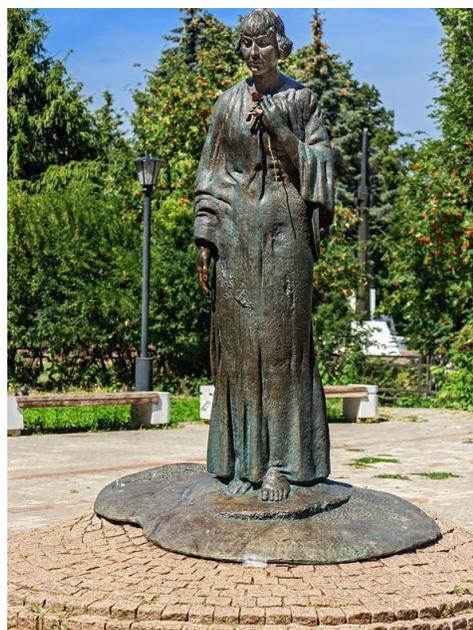
Марина росла строптивым, своевольным и очень ранимым ребёнком. Глядя на неё, отец тяжело вздыхал: «*Какие способности дала природа этой 13-летней девочке! Как она будет жить с ними? Ей будет очень трудно жить!..*»

Не успеет он оглянуться, как этой девочке исполнится 18, и она, втайне от всех, издаст свою первую книгу «*Вечерний альбом*», в 19 – полюбит, «на свою беду», очаровательного юношу, выйдет за него замуж и в 20 лет станет матерью... И никто, никто из окружавших её людей не мог представить себе, что именно этой девочке выпадет судьба стать самой большой любовью поэтической России XX-го века, и что в самом сердце обожаемой ею

Тарусы, хотя и с большим опозданием, но будет стоять её бронзовое изваяние в полный рост.

Опуская описание всего увиденного в Тарусе, я кратко остановлюсь лишь на двух тарусских достопримечательностях, непосредственно связанных с моим дальнейшим рассказом.

Гуляя вдоль берега Оки, сопровождавшие меня две влюблённые в Цветаеву тарусянки, привели меня на открытую поляну, в центре которой стояло неприметное деревянное строение, типа сарая... С одной стороны поляны густой лес, с другой высокий зелёный холм, «увенчанный» на вершине большим домом. *«В этом доме на горе жила семья Виноградовых»,* – сообщили мои гиды. *«Марина и Ася дружили с их детьми – Толей, будущим известным писателем Анатолием Виноградовым, и его сестрой, певуньей Ниной. Сёстры Цветаевы часто бывали здесь... Сокращая обратный путь домой, они обычно кубарем скатывались с этого холма прямо к домику в центре поляны...».*

Да, вспоминаю. Анастасия Ивановна живо описала это в своих мемуарах...

–«А что это за домик?» – поинтересовалась я.

–«А это наша полоскалка,» – услышала я в ответ.

–«Полоскалка? А что это значит?»

–«О, в Тарусе это место знаковое!» – услышала я в ответ.

–«Хотите посмотреть, что там внутри?»

Я вошла. По двум узким металлическим желобкам тихо струилась вода. Под её журчанье я услышала одно из давних тарусских преданий.

В середине 17-го века в Тарусе разразилась эпидемия чумы. Начался мор на мужчин, и жены-тарусянки отправились крестным ходом искать защиту у патриарха всея Руси. Патриарх Никон возглавил обратное шествие в Тарусу, и когда они проходили через этот овраг, вдруг в этом месте забил родник. Отец Никон освятил это место, и они пошли дальше.

С той поры это место почитается святым. Женщины-тарусянки по сей день приходят сюда полоскать бельё, умываться и набирать ключевую воду для питья.

–«А эта полоскалка также выглядела в цветаевское время?»

–«Нет, что Вы! Это уже когда в Тарусе поселился Паустовский, чтобы родниковая вода зря не расходовалась, он сначала обустроил источник этими корытцами, а потом сверху «прикрыл» их от непогоды незамысловатым сарайчиком».

Так, в моём блокноте появилось новое словечко *«полоскалка»*. Запомним его.

Вторая достопримечательность - *«Мусатовский косогор»*. Он так называется потому, что здесь находится могила художника Борисова-Мусатова. Сегодня — это одна из главных точек тарусского цветаевского мемориала: ни одна экскурсия не обходится без посещения этого места. Именно это место из всей обожаемой Тарусы маленькая Муся любила больше всего. *«Есть у меня из всех видений райского сада Тарусы одно самое райское, потому что – единственное...»* – так написала она в рассказе *«Хлыстовки»*, который по идеологическим соображениям в СССР был опубликован под названием *«Кирилловны»*.

С какой теплотой вспоминает 44-летняя Цветаева это место и таинственных его обитателей. И сами хлыстовки, и их потаённое жилище вызывали в её детской душе «тайный жар». Окружавшая это место тайна одновременно пугала и притягивала девочку. Ей хотелось разгадать, почему этих женщин на людях называли «Кирилловны», а за глаза «Хлыстовки»? Почему у них не было имён, а только одно отчество на всех? Почему они никогда не ходили по одной, только по двое? Взрослая Цветаева вспоминает, как радостно трепетало её сердце, когда Кирилловны приходили к ним в «Песочное» с лукошками, полными фруктов! Вспоминает, как сама любила ходить к ним в гости! *«Больше всего я любила эту секунду спуска в зелёную, холодную, ручьёвую тьму – серого нескончаемого ивового плетня, за которым – так это у меня и осталось – все ягоды зреют сразу...»*.

Как «вкусно» в рассказе описана природа, окружавшая хлыстовское гнездо! Какие счастливые минуты переживала здесь эта необычная девочка! *«И обняв, прижав, Кирилловна подняла меня, поддав-ух! На воз, на гору, в море, под небо, откуда всё сразу видно: и папа в чесучовом пиджаке, и мама в красном платочке, И Августа Ивановна в тирольском, и жёлтый костёр, и самые далёкие заливы песка на Оке...»*.

Когда я впервые читала это эссе, мне показалось, что композиционно это должен был быть его финал. Но, видимо перед тем, как поставить точку, внезапное рыдание перехватило горло..., – и последний абзац дописывался уже на бумаге, мокрой от слёз: *«Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, где растёт самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень: «Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА»*.

И такой камень есть. И взят он из тарусской каменоломни. И лежит он на холме под кустом бузины. И на нём выбиты завещанные Мариной слова...

Этот камень – самый первый и многие годы единственный на родине памятник поэту. (История этого камня, как и судьба его автора – пронзительная новелла, достойная отдельного рассказа...).

Последний раз Марина Цветаева посетила Тарусу в 1912 году – привезла сюда молодого мужа показать ему тот «ковш душевной глубины», который она хотела бы взять эпитафией ко всему «тарусскому и трёхпрудному миру». *«В Париже и тени моей не останется... - Таруса... Коктебель да чешские деревни – вот места моей души. По ним соберёте»*. По ним и собираем.

НА ТЕПЛОХОДЕ

«Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений...»

А. Пушкин

После полного хлопот переезда из Тарусы в Москву, а затем на Речной вокзал в Химках, я даже не заметила, как вошла на теплоход...? Помню только, когда вслед нашему отплытию из репродуктора грянул духовой оркестр, мне вспомнились слова семилетней дочери Цветаевой из её детского дневника: *«Первое мая 1919. ... Мы шли по*

бульвару. Вдруг мы услышали полковую музыку. Марина сказала мне: «Аля, какая чудная музыка! Эта музыка, где бы я ни была, я её люблю».

Только потом, уже подъезжая к Елабуге, я поняла, что именно эта музыка – символ расставаний – и была тем камертоном, по которому "настроился" мой дальнейший путь...

«Ну вот, наконец и долгожданный отпуск», – размечталась я. – Не надо никуда спешить, никому звонить... Любуйся себе красотами приволжских берегов и смотри на окружающее теперь уже глазами 48-летней Марины...». Никаких иных целей – научных, биографических, журналистских – у меня не было. Ведь к 86-му году последний цветаевский маршрут был уже подробно описан её первыми биографами, так что никаких открытий на этом пути я не ждала... Тем не менее, открытия были.

* * *

Первая остановка нашего теплохода была ранним утром в городе Угличе. Стоянку объявили на полтора часа. Пассажирам предложили прогуляться. У причала нас уже ждал экскурсовод, и буквально через несколько минут мы оказались на территории знаменитого угличского монастыря... Вот нам показывают Тронную палату княжеского дворца..., вот Успенскую «Дивную» церковь... А вот и «Церковь на крови», под сводами которой окончилась жизнь убиенного царевича Димитрия. Экскурсовод цитирует что-то из Карамзина, пересказывает содержание пушкинского «Годунова» ... И вдруг я ловлю себя на том, что во мне звучат другие строки, продолжающие известный сюжет:

Димитрий! Марина! В мире
Согласнее нету ваших,
Единой волною вскинутых,
Единой волною смытых
Судеб! Имён!
Над тёмной твоею люлькой,
Димитрий, над люлькой пышной
Твоею, Марина Мнишек,
Стояла одна и та же
Двусмысленная звезда.
Она же над вашим ложем,
Она же над вашим троном
Как вкопанная стояла
Без малого целый год...

Но Цветаеву не только не процитировали, – даже не вспомнили. А ведь Марина Мнишек, прямая участница тех событий, – была одной из её любимых героинь. Цветаева не раз признавалась, что ощущает с нею какую-то мистическую связь – по польскому своему происхождению (по матери) и общности имен:

Марина!
Тебя пою...
Славное имя твое
Славно ношу...

Ариада Эфрон, дочь Цветаевой, в воспоминаниях о матери пишет:

«С основными своими темами Марина не расставалась всю свою творческую жизнь, и они, переходя из одной ипостаси в другую, как бы кустились, давая ей всё новые ответвления от её ствола и корней». Марина Мнишек была одной из таких тем. В 1919 году Цветаева написала пьесу «Дмитрий Самозванец» (не сохранилась). Затем, в 1921-м, читая у Карамзина о Смутном Времени, Цветаева вносит в рабочую тетрадь любопытную запись: «Чего искала Марина Мнишек?.. Власти – несомненно, но какой? Законной или

незаконной? Если первой – она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы... С грустью думаю, что искала она первой, но, если бы я написала её историю...» Многозначие. Запись на этом обрывается... Видимо, размышления сменились вдохновением, и Цветаева создаёт поэтический цикл под названием «Марина».

...1932 год. Цветаева, по обыкновению, просматривает свои старые тетради и, увидя прерванную запись, дописывает её, как будто и не было в её жизни этих страшных одиннадцати лет: «...но если бы я писала её историю, то написала бы себя, т.е. не авантюристку, не честолюбивую и не любовницу: себя – любящую и себя – мать. А скорее всего: себя – поэта...».

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

Вернувшись на теплоход, я разыскала помощника капитана:

– Скажите, вы не знаете, останавливался ли пароход в Угличе в 1941 году?

– Как же, как же, останавливался, обязательно, – ответил он.

– Почему?

– Потому что в Угличе – первый технический осмотр парохода после ночи. Конечно, стоянка была тогда была короче, война гнала.

– А пассажиры в таком случае обязаны всегда обязаны были покидать пароход?

– Желательно.

– А пристань всегда была в этом месте?

– Почти, чуть-чуть в стороне, – ответил он.

Значит, размышляла я, если в 41-году причал тоже подвозил прямо к монастырю, то Цветаева неминуемо должна была видеть всё то, что видели мы. Экскурсоводов, конечно, тогда не было. Но она в них не нуждалась. Этот сюжет она прожила сама и не один раз. Так что, если, сойдя на берег, она смогла заставить себя оглядеться вокруг, многое должно было в ней откликнуться – Самозванец, Мнишек, Годунов...

И, конечно, над всеми ними – Пушкин. Ведь слишком поверхностным было бы сводить пристальный интерес Цветаевой к Мнишек только общностью имён. Зная, как внимательно, буквально пядь за пядью, Цветаева изучала написанное пушкинской рукой («каждую пометку как своей рукой...»), она, конечно, не могла пройти мимо его пометки в дневнике 1829 года: «Я уделил ей (Мнишек. - М. К.) только одну сцену (в «Годунове»), но я ещё вернусь к ней, если Бог продлит мою жизнь». Бог продлил – на восемь лет. Не знаю, вернулся ли Пушкин к образу Мнишек, но его намерение нашло счастливое продолжение в искусстве: сначала в музыке (Мусоргский), затем в поэзии (Цветаева). Так что, покидая Угличский монастырь, она имела полное право повторить за Пушкиным: '»Знакомцы давние, плоды мечты моей...»

* * *

...Долго-долго стояла я на палубе, оглядываясь на суровую красоту древнего монастыря. Когда же он скрылся из виду, взглянув на тёмную воду за бортом, я невольно вздрогнула: Господи! Да ведь это же Волга! Волга, которой Цветаева никогда не видела – вот сейчас видит в первый и последний раз. И не просто Волга, а та, над которой...

...ночь и сон –

Расстелили ковры узорные,

И возлёт на них атаман с княжной

Персиянскою – брови чёрные...

Стенька Разин! О нём Марина впервые услышала в своё тарусское «до-семилетие» от странницы, что...

...прихлёбывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке...

В Марининой детской фантазии образ Персияночки Разина слился с образом Ундины Ламот-Фуко в переводе Жуковского, которую ей читала мать. Так они обе нераздельно долгие годы жили в её душе. Во всяком случае, работая над своей поэмой «*Стенька Разин*», Цветаева не забывала и об Ундине. Её дневниковая запись напоминает краткий план будущего замысла: «*Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обоих любили, обеих бросили. Сон Разина (в моих стихах) – сон Рыцаря у Жуковского. И оба: и Разин, и Рыцарь должны погибнуть той же смертью: только персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии «за баумачком», а Ундина со всей преданностью любящей женщины и Германии – за поцелуем*».

Поэма Цветаевой «*Стенька Разин*» принесла ей первый оглушительный успех. И хотя в бурлящем котле 1917 года к образу Разина обращались многие поэты (включая «*Стенькин сон*» М. Волошина), нельзя не согласиться с биографом Цветаевой Ирмой Кудровой в том, что «*цветаевский Стенька особый. Не любил бы он свою персияночку – и стихов бы цветаевских не было. А вот любит – и губит, сам, своей рукой губит, казня тем и самого себя... И душа... будет болеть, пока он жив будет... Вот где тайна, притягивавшая Марину*» ...

Не раз и по разным поводам имя Разина ещё и ещё будет всплывать и в стихах, и в прозе, и в дневниковых записях Цветаевой. А один раз эта поэма в буквальном смысле спасёт её от гибели... Так что, и *Стенька Разин* – «не пустой был для её сердца звук...».

Неужели, вглядываясь в тяжёлую воду за бортом, ей не привиделось «дно – цветами, что плат ковровый» ... и оттуда, со дна, – «лицо одно, забытое, чернобровое» ...

* * *

А на следующей остановке, в Костроме, к Разину присоединился ещё один «сквозной» герой цветаевской биографии – *Пугачёв! Вожатый!* «...Я ждала его всю жизнь, всю свою огромную семилетнюю жизнь... Если бы меня, семилетнюю, среди седьмого сна, спросили: – Как называется та вещь, где Савельич, и поручик Гринёв, и царица Екатерина Великая? – я бы сразу ответила: – *Вожатый. И сейчас вся «Капитанская дочка» для меня – называется т а к!*»

«*Пушкин и Пугачёв!*» С какой страстью и с каким аналитическим блеском соединила Цветаева эти два имени в своём грандиозном по замыслу и размаху эссе! С ними обоими она ощущала не мистическую, а вполне реальную связь: «*Не по предмету же чуждости, а именно по примете родности стучится в меня Пугачёв...*», и дальше: «*А если самое-то моё (откровение сна) и есть – Пугачёв*». А в статье «*Искусство при свете совести*» она идёт ещё дальше: «*Найдите мне Поэта без Пугачёва! Без самозванца (без Корсиканца)! – внутри. У поэта на Пугачёва может только не хватить сил (средств)*»?

Цветаева открыто декларировала, что любовь к Пугачёву тоже пришла к ней от Пушкина. «*Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам – как бы они ни назывались и ни одевались*», – заключает она.

Читая это эссе, я сокрушалась: «Вот если бы мы «проходили» «*Капитанскую дочку*» не по кондовым советским учебникам, а по работам Цветаевой! Может быть, и нам бы открылось, что «*дело... там не в Пугачёве, каков он был или не был, а в Пушкине - каков он был. Был Пушкин – поэтом. И нигде он им не был с такой силой, как в «классической» прозе «Капитанской дочки*».

Так что недаром Цветаева называла себя *«мятежницей лбом и чревом»*, а её стихи называют *«поистине пугачёвским бунтом»* в русской поэзии... И вот здесь, в Костроме, в самом сердце русской вольницы, на её последнем пути встретились оба её любимых героя: Разин и Пугачёв, её стихи и проза.

* * *

С этой минуты моей прежней настроенности на спокойный отдых как не бывало. Неожиданные «встречи» растревожили, заставили вспоминать, сопоставлять, постепенно сдвигая шоры, многие годы зажимавшие сознание определённым, только глубоко трагическим видением цветаевского пути. На меня шёл поток случайных совпадений, и я не могла избежать искушения хотя бы попытаться нащупать в них непостижимую, некую закономерность.

Кстати, Марина Цветаева часто размышляла о роли совпадений. И вот к какому выводу она пришла: *«Случайность, повторяющаяся каждый раз в жизни человека, – судьба, в мире явлений – закон»*.

Позднее я нашла объяснение тому, что происходило со мною на теплоходе в книге С. Юрского *«Кто держит паузу»*. Он пишет, что *«актёр ... может даже не вспоминать о роли..., но подсознание само набирает необходимый материал в окружающей жизни... – всё идёт в дело. Начинается пора чудесных «совпадений» ... Что за чудеса? Кто это одаривает нас такими совпадениями? Да никто. Это мы сами начинаем жить «прицельно». Мы в непрерывной разведке, в непрерывном напряжении, и «совпадение» – плата за напряжение. Идёт отбор и накопление. И когда подсознание переполняется, включается сознание»*.

К сожалению, эти строки попались мне значительно позже. Тогда же, на теплоходе, во мне отчётливо зазвучали два голоса – теза и антитеза, меж которыми *«всё рождало споры и к размышлению влекло»*.

– Мнишек? Самозванец? Разин? Пугачёв? *«До того ли было «одинокому бездомному человеку с трагической и страшной жизнью позади и полной неизвестностью впереди?» (В.Швейцер)*.

– Да, но ведь так хочется думать, что в эти неопишуемые по отчаянию предьялабужские дни, такие, казалось бы, уже далёкие от земных примет, эти нечаянные встречи могли бы стать хотя бы секундным проблеском в окружающей её тьме?

— Это всё – *«досужие вымыслы любителей выписывать сюжетные восьмёрки!»* (М. Белкина).

– Но ведь именно она в своей книге *«Скращение судеб»* не раз даёт примеры того, как часто Цветаева неожиданно реагировала на «предлагаемые обстоятельства». Вот один эпизод. Белкина описывает совместную прогулку по Воробьёвым Горам вдоль Москва-реки... Марина Цветаева мрачна и озабочена. Но случайно обронённое Белкиной слово «Крым» мгновенно преобразило её. *«И небывалая лёгкость, беззаботность, безоблачность тех лет, и небывалая синь моря, небывало ясное небо...»*, - пишет Белкина. И оканчивает уже от себя: *«Жизнь вдруг так выдаст от щедрот своих – и поверишь: так будет вечно, так надо, так суждено...»*.

Описанный эпизод происходил не в 1914-м и даже не в 1916-м, а осенью 40-го, когда всё самое страшное в семье Цветаевой уже случилось... Но случайное упоминание о былом и дорогом – и какой свет! В этом вся Цветаева с её удивительной способностью *«жить... в обратном направлении»* и *«всё помнить эмоционально»*.

Так если в 40-м году, – рассуждала я, – *«жизнь смогла выдать вдруг от щедрот своих»*, то почему же не поверить, что *«так суждено»*? Почему жизнь не могла *«за этот ад, за этот бред»* последний раз порадовать её встречами с героями, которых она любила, как любят живых людей?

– И это когда ещё не остыл страх погибнуть под фашистскими бомбёжками? (Саакянц)

– Да, ведь накануне войны, когда все знали, что не сегодня-завтра она грянет, Белкина описывает, как Марина *«перед лицом стылого, заиндевелоого окна, с единственной электрической лампочкой под потолком»*, читала стихи. И какие стихи!

Но истые пловцы – те, что плывут без цели:
Плывущие, чтоб плыть! Глотатели широт,
Что каждую зарю справляют новоселье
И даже в смертный час ещё твердят: вперёд!

– Но это же не Цветаева! Это её перевод Бодлера! (окрик критика).

– Знаю! Но Белкина пишет, что Цветаева читала Бодлера, как своё: *«Это были такие её стихи, такое единое восприятие жизни и земного бытия...»*

...Так, в состоянии напряжённого внутреннего диалога, я едва не пропустила кульминационный момент всего маршрута. Мы подплывали к городу Горькому. И как всегда перед остановкой теплохода, пассажиры толпой собирались возле трапа. Но теперь они были охвачены необычным волнением столпились на одной стороне палубы. Я решила, что они торопятся поскорее сойти на берег, чтобы больше успеть посмотреть за время стоянки теплохода. Но оказалось, они волновались как бы не пропустить одно из главных природных достопримечательностей – знаменитую *«Стрелку»*, место слияния двух рек, где Ока впадает в Волгу...

Так, слово «Ока» неожиданно закольцевало все мои внутренние сомнения:

Жизнь распахнулась, но всё же...
Ах, золотые деньки:
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?
Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, -
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

Вспомнились ей эти строки или нет, не знаю. Мне вспомнились. Потом, когда стали доступны цветаяевские дневники, я многое нашла в её записях, что так бы поддержало меня в собственных сомнениях. Например, вот такая запись: *«Есть магические слова, магические вне смысла, одним уже звучанием своим, уже значат; слова – самознаки и самосмыслы, не нуждающиеся в разуме, а только в слухе.... Возможно, что они в жизни у каждого – свои. В моей жизни такими словами были и остались – Вожатый, Таруса, Ока»*, – утверждает Цветаева.

ЕЛАБУГА

«Ещё меня любите за то,
Что я умру...»
М. Цветаева

Встречи с Елабугой я, признаюсь, ждала с надеждой, что, наконец, все совпадения окончатся. Ну, что может быть общего у древнерусской Тарусы с не менее древней татарской Елабугой?.. Но я ошибалась: совпадения и тут продолжали настойчиво себя предлагать. И здесь, опуская подробные впечатления от встречи с Елабугой, остановлюсь только на тех фактах, которые не только органично вплелись в сюжет моего рассказа, но и, насколько мне известно, ещё не прокомментированы биографами Цветаевой.

Первое, чем меня удивила Елабуга, – внешним сходством с Тарусой: такая же провинция, только не с православным собором, а мечетью. Похожие деревенские улицы, заросшие травой... Огороды, палисадники, домики-срубы, с деревянными наличниками на окнах...

– Заметила ли это сходство Цветаева? – Не знаю. Сошлюсь только на её удивительную способность легко переноситься в искомое место. Она не раз писала, как живя в Париже, она удавалось «под веками» бродить по своему Трёхпрудному... А вслед уходящему с чешского вокзала поезду она умудрялась «по шпалам восстанавливать Россию в три полотна» ...

Почему же не предположить, что в сходном облике домов на боковых елабужских улочках (на одной из них она вскоре и поселится), ей не вспомнилась Таруса? «А правда - между избой любой – никакой разницы? – Те же страхи, сглазы, наговоры, наветы, увозы...». – писала она своей парижской корреспондентке Вере Муромцевой. Да и дочь, первый летописец цветаевской жизни, удостоверяет: «Мама не менее, чем новым видам, радовалась узнаванию уже бывшего...»

Со слов одной теплоходной знакомой Марина Цветаева боялась своего паспорта: «Ей казалось, что там водяными знаками написано, что её близкие арестованы?» И я ей верю. Но я также верю и другим словам, написанному рукой Цветаевой: «...Что бы ни было ...вокруг нас – это всегда будет на поверхности, всегда слой – льда, под которым живая вода, золы – под которой живой огонь... что бывшее сильнее сущего, а наиболее из бывшего – детство сильнее всего...»

* * *

Хотя Цветаева оплатила багаж до Елабуги, она рассчитывала остаться с другими писательскими семьями в Чистополе, но ей не позволили даже сойти на берег, и она с сыном проследовали дальше в Елабугу. Там эвакуированных встретил представитель Горсовета. Группу москвичей на ночь разместили в здании бывшего техникума, а утром все двинулась на поиски жилья. И в первом же доме по улице Жданова 10, Марина Цветаева неожиданно объявила: «Я больше нигде не пойду, останусь тут!»

Старенький дом, одна крошечная комната, отделённая от хозяев простынёй, удобства на дворе. Биографы до сих пор ищут причину столь скоропалительного решения Цветаевой? А ответ, как говорится, «в открытом доступе» – в книге Анастасии Цветаевой. В последней главе своих воспоминаний она подробно рассказывает, как и от кого узнала о смерти сестры. Опуская подробности, скажу лишь что ей не давало покоя то, что Марина ушла, не оставив ей даже записки.

Только спустя 19 лет, она получит прощальную весточку от Марины в доме, где случилась трагедия. Хозяйка, которая последней видела Цветаеву живой, и первая увидела её мёртвой, рассказала ей, что как только она назвала своё имя, Цветаева вдруг напряглась: «Что?! Анастасия Ивановна?» – и решительно: «Так зовут мою сестру. Я остаюсь здесь». «Так за десять дней до смерти Марина назвала меня», – оканчивает Анастасия Цветаева повествование о тех скорбных днях.

Мне, конечно, тоже хотелось взглянуть на последнее жилище великого поэта

Сегодня это музей – «Дом Памяти поэта». Я же видела комнату ещё без музейного глянца.

Простыни, правда, уже не было. Из мебели – кровать, кушетка, между ними тумбочка. На стене зеркало в деревянной раме. Два окна с белыми занавесками. Я попросила разрешения отодвинуть одну – хотелось представить, что Цветаева могла видеть из окна в последние дни жизни. К сожалению, пейзаж не порадовал. В глаза бросилось странное сооружение, похожее на промышленный агрегат. Выйдя из дома, я поинтересовалась, что это такое.

– Это «платемойня»!

– Платемойня? Никогда не слышала такого слова. А это что значит?

Услышанный ответ окончательно убедил меня в неслучайности всех совпадений, ранее встреченных на пути ...

– В этом месте, – услышала я, – давно забил родник. Елабужане верили, что это святой ключ и стали приходить сюда умыться и полоскать бельё. А наш губернатор Шишкин, отец великого художника, был хорошим хозяином. Чтобы родниковая вода зря не утекала, он и придумал это устройство... Говорят, что несколько раз видели, как повесившаяся жиличка пила здесь воду из железной кружки...

Так в моём блокноте рядом с тарусской «полоскалкой» появилась новое народное слово «платемойня» – Таруса и Елабуга.

* * *

Хотя хроника последних дней Цветаевой детально прослежена, в ней всё же обнаруживается немало расхождений. Одни говорят, что Цветаева никуда не выходила из дома. Другие это опровергают. Так, Мария Белкина полагает, что «*Цветаева просто бродила в отчаянии, понимая, что в этой дыре её погибель*».

А поэт Вадим Сикорский, 19-летний юноша, плывший с матерью на том же корабле, утверждает обратное: «*Мы много гуляли, и Марина Ивановна много и охотно со мной говорила*». Об этом же свидетельствовала хозяйка, А. И. Бродельщикова: «*Днём квартирантки дома не бывало, она уходила на целый день*».

Наконец, в нашем распоряжении есть и неопровержимое доказательство: эссе Лидии Чуковской «*Предсмертие*», в котором она подробно описывает трёхдневное пребывание Цветаевой в Чистополе.

Естественно, у меня возникли вопросы: куда же могла уходить Цветаева на целый день? По каким камням брести? Где могла найти уединение для долгих бесед с юным поэтом?

Из полученных от елабужан ответов остановлюсь на двух.

Первое. Я узнала, что Цветаева успела записаться в елабужскую библиотеку. Зачем? Какую книгу (или книги) взяла? Увы, первые биографы, беседовавшие с библиотекаршей, говорившей с Мариной и заполнявшей её библиотечную карточку, не задались этими вопросами. А жаль! Вспоминая, как постепенно по крупицам складывался цветаевский «чешский миф», зная, как скрупулёзно она работала с историческими источниками, как серьёзно изучала легенды о Пражском Рыцаре, потом вплетая их в обращённые к нему стихи ... Как она теребила чешскую подругу уточнением мельчайших деталей об оккупированной фашистами Праги, когда работала над своим последним поэтическим циклом «К Чехии». «*Мне, чтобы написать несколько слов, нужно знать всё о вещи...*», – признавалась она... – *Если мне на две тысячи строк не хватает одного слова, я считаю вещь неоконченной*».

Учитывая пристрастие Цветаевой к историческим книгам и литературным биографиям, зная как цепко её память хранила всё, связанное с Пушкиным, я возьму на себя смелость назвать книгу, мимо которой она бы не могла пройти равнодушно. В елабужской библиотеке эта книга должна была стоять на видном месте. Я говорю о

прогремевших на всю Европу «Записках» кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Это имя сегодня на слуху, но многие ли связывают его с Елабугой?!

Женщина-легенда, первая русская амазонка, Надежда Андреевна Дурова, выйдя в отставку, поселилась в Елабуге, прожила в ней последние тридцать лет жизни и с воинскими почестями была похоронена в елабужской земле. В Елабуге она писала свои «Записки», из Елабуги переслала рукопись Пушкину и с его лёгкой руки обрела статус известной русской писательницы.

Так нежданно-негаданно Елабуга подарила мне новую биографическую параллель: «Марина Цветаева и Надежда Дурова» (не через запятую, а через соединительный союз «и»). Интересное совпадение, неуклонно ведущее снова и снова к Пушкину. В цветаеведении имя Надежды Дуровой не упоминается даже в подробно разработанной теме «Цветаева и Пушкин». Кто знает, может быть, именно с размышлений о судьбе Дуровой, с истории её «Записок», так восхитивших Пушкина, начинал потихоньку набирать силу и «елабужский миф» в цветаевских рабочих тетрадах, которые до нас так и не дошли...

Если моё предположение имеет право на жизнь, то можно утверждать, что весь последний цветаевский путь – от Углича и до Елабуги – проходил, условно говоря, «в присутствии» Пушкина, ибо, как мы видим, тень его незримо витала над Цветаевой и на улицах Елабуги.

* * *

Многие описывают Елабугу, как унылое захолустье. Но также, как и в Тарусе, в пейзажах Елабуги была и есть своя трогательная заповедность. Допытываясь у старожилов, куда ещё могла уходить Цветаева на целый день, все, как один, указывали на одно место – самую главную достопримечательность города с пугающим названием «Чёртово городище». Это место – свидетель бурных событий Тысячелетней истории края – елабужане считают символом города.

От дома Бродельщиковых путь туда не далёк, но не прост. Поднимаясь вверх по

тропе, песчаная насыпь над пристанью, незаметно перерастает в огромной высоты холм, который заканчивается диковинным сооружением – оставшейся от былой крепости таинственной башней с дверным проёмом и смотровым окном наверху.

Доподлинно неизвестно, бывала ли там Цветаева, но, посетив это место, лично, я уверена, что она там бывала. Почему? - Потому что в этом месте сошлось многое из того, что Цветаева очень любила.

Во-первых, известно, что она с детства была страстным пешеходом. Особенно любимы были пешие прогулки вверх, в гору.

Сейчас к Башне ведёт «лестница Тысячелетия» – 365 ступеней, выложенные природным камнем. Для туристов предусмотрены скамейки и смотровые площадки. Если Цветаева сюда приходила, то, чтобы добраться до таинственной башни, ей пришлось бы одолеть путь в тысячу шагов, и это бы её радовало.

Во-вторых, Цветаева с детства питала страсть к местам, окружённым тайной. Они вызывали в ней тот блоковский «тайный жар», который она считала «ключом к своей душе и всей лирике». В Тарусе таким местом была вырубленная в скале пещера, где, по легенде, водились ядовитые змеи и обитал злой разбойник Улай. Вопреки запретам взрослых, маленькая Марина в неё забиралась, перебарывая в себе страх. (Помните: «*Не чуралася я в ночи окаянных мест, /Высоко надо мной торчи безымянный крест...*») Елабужское «Чёртово городище» – такое место. И в народе хранится множество связанных с ним легенд, и сегодня холодящих душу.

Третье и главное: Цветаева не могла не откликнуться на название этого места – «Чёртово городище». Ведь слово «*чорт*»¹ было для неё таким же словом – самосмыслом и самознаком, – как *Таруса, Ока и Вожатый*. Могла ли я думать, что Елабуга одарит меня встречей с ещё двумя – самыми главными персонажами, которыми она определяла всю себя.

Марина Цветаева была уверена, что у истоков её человеческой и поэтической родословной стояли две силы. Одна у истоков её дара (Пушкин), другая – у истоков её судьбы (Чорт). Эти две силы она считала главными составляющими бунтарского характера. Обе эти силы тоже были неразрывно связаны с её тарусским детством, со знаменитой красной комнатой, где она впервые тайком от мамы зачитывалась сказками Пушкина. И с тех пор и на всю жизнь в ней поселилась уверенность, что все «*поэты находятся с демоном в родстве*», и что у неё тоже «*был прямой провод к Чорту*», что Чорт – был чьим-то даром «*в её колыбель*» ... Свою излюбленную мифологему «*Пушкин и Чорт*» Цветаева сознательно разрабатывала и в творчестве. Так, ещё в юности она определила свои стихи как «*как маленькие черти, ворвавшиеся в святилище, где сон и филлиам*» ... И в дальнейшем она упорно отыскивала «Чортов след» в своей поэтической и человеческой родословной. То ей чудился «*какой-нибудь предок-скрипач, продавший чёрту душу за грош*», то она ощущала его в себе-поэте: «*Жив, а не умер демон во мне*», то в своём характере: «*Я – мятежница с вихрем в крови...*»

Ох, как ей хотелось разобраться в себе, в двуединстве своей сущности: что в ней от Демона (дьявола, беса, чёрта), а что от Бога. Это конфликтное совмещение Ада и Рая, Тьмы и Света, постоянная внутренняя борьба между ними раздирало её мятущуюся душу:

«А во лбу моём – знай!
– Звёзды горят.
В правой рученьке – рай,
В левой рученьке – ад...
Много ль нас таких
На святой Руси –
У ветров спроси,
У волков спроси...»

¹ Слово «чорт» по авторскому правописанию.

Или:

На плече моем на правом
Примостился голубь-утро,
На плече моем на левом
Примостился филин-ночь.
Прохожу, как царь казанский.
И чего душе бояться —
Раз враги соединились,
Чтоб вдвоём меня хранить!

Это в стихах, но не меньшее место занимает «Чорт» и в цветаевской мемуарной прозе. В 1934 году она посвящает ему отдельное эссе – рассказ взрослой Цветаевой о её раннем детстве. Назвала она этот рассказ смело и определённо: «Чорт». В этом рассказе она открыто декларирует свою безоглядную благодарность Чорту, доходя порой до открытой экзальтации. Вот послушайте: «Ты обогатил моё детство на всю тайну...», «Тебе я обязана... своей избранностью...», «Это ты решил меня поэтом, а не любимой женщиной...»

А в письме чешской подруге Анне Тесковой есть такое признание: «20-го у меня очередной вечер. Буду читать моего «Чорта», чорта моего детства, и, даже младенчества. Эпиграф беру из Пушкина: «Связался Чорт с младенцем». Пишу эту вещь с усладой» ... Одной вещи мне Чорт никогда не отдал – меня». И дальше: «Пушкину я обязана всем. Не было б Пушкина, не было б меня».

Несколькими годами позже, в пушкинском юбилейном 37-м году, в новелле «Мой Пушкин» Цветаева уже открыто соединит оба истока в одно целое: «Чорт – это пушкинская чара через его «Бесов», ведь он тоже упивался «тёмной бездной на краю...», это он повинен в мятежности моего сердца... и если вы меня взрежете, – пишет Цветаева, – то обнаружите тех бесов, мчащих тучами, ибо вошли в состав...».

* * *

«Чёртово городище» – самая высокая точка города. С неё открывается незабываемый вид на Каму. В этом месте река делает большую излучину, и на много километров вокруг, сколько может охватить глаз, в пойме Камы видны деревья, поля и заливные луга, а с востока – виден исторический центр города, с цветными луковками Спасского собора и острыми шпилями минаретами.

Зрелище неповторимое, незабываемое, захватывающее дух. Не зря его облюбовали художники. Они приходят сюда ранним утром, и рисуют до заката. В 41-ом, конечно, там художников не было. Но красота-то была всегда. И стоя у «Чёртовой башни» я подумала, что здесь Марина Цветаева могла найти тот самый «сад, где ни души, где ни ноги», и обрести, наконец, то уединение, которого так жаждала всю жизнь.

Стоя на вершине елабужского городища, вспомнились её слова, приведённые Алей в книге о матери. Однажды в Берлине Марина сказала своей знакомой: «По-моему, в природе нет отдыха. Вот я думаю: когда буду умирать, у меня будет такое же чувство, как здесь, сейчас, на этом берегу; печали? – торжественности? и весь грохот, и все кружения позади? Но ведь это и есть отдых?».

Обманутым пловцам раскрой свои глубины.
Мы жаждем, обзрев под солнцем всё, что есть,
На дно твоё нырнуть – Ад или Рай – едино.
В неведомого глубь – чтоб *новое* обрести.

«...Боюсь, я завтра мёртвой встану...»
М. Цветаева, 1917

Марина Цветаева вернулась в Россию 18 июня 1939 года. На самом же деле, её возвращение началось гораздо раньше. Об этом, по сути, вся её мемуарная проза. Иосиф Бродский верно подметил: *«Проза Цветаевой – ретроспективна, ибо, только оглянувшись, и можно перевести дыхание... Это – отступление в доисторию, в детство»*. И, словно в подтверждение верности этой мысли вспоминаются цветаевские строки из письма к Вере Муромцевой: *«У меня с собой ни одной записи: одна память (о детстве) ... Мне нужны факты, я хочу воскресить весь этот мир, чтобы все они недаром жили, и чтобы я недаром жила»*

Надо ли вспоминать, на скольких её страницах за последние парижские годы оживает образ Тарусы, которая *«всегда лето, всё лето сразу, со всем, что есть в нём красного и сладкого, где, стоит только войти... всё тебе в руку сразу: и клубника, и смородина, и особенно бузина»*. И кто сегодня может взвесить, какова доля Тарусы в исполненном горечи поэтическом вздохе, вырвавшемся из её парижских строк: *«Россия моя, Россия! Зачем так ярко горишь?..»*

(Кстати, само название стихотворения "Лучина" сразу настраивает на деревенский, тарусский лад.)

Известно, что, возвратившись в Россию, Цветаева мечтала поселиться в Тарусе. Ей не разрешили. И вот теперь перед самым концом, такая неожиданная – через сотни вёрст! – встречи: сначала с Окой, а затем в Елабуге с образом самой Тарусы! И мне *так* хочется верить, что в *тех* её жизненных обстоятельствах эта встреча могла оказаться для Цветаевой поистине «Нечаянной Радостью» – тем «отступлением в доисторию, в детство», позволившему ей «перевести дыхание»...

Знавшие Цветаеву описывают её по-разному, при этом сходясь в одном: *«Марина пребывала в тяжёлой депрессии»*. Известно, что 8 августа 41-го года, ступив на пароход «Александр Пирогов», она знала, что едет навстречу смерти. Ещё в сентябре 39-го, Цветаева внесла в дневник: *«...Я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк...»*

На Новый, 41-год, она записала: *«Гляжу и вижу одно: конец»*.

В июне 41-го она сказала Эммануилу Казакевичу: *«Как бы мне нужно было сейчас поменяться с местами с Маяковским!»*

Татьяне Кваниной в эти же дни: *«Я не долго буду жить. Знаю»*.

Евгению Сомову: *«Я сейчас убита, меня сейчас нет, не знаю, буду ли я когда-нибудь»*.

А на пароходе, подойдя к борту, сказала Татьяне Сикорской: *«Вот так – один шаг в сторону – и всё кончено»*. Так что это она о себе переводила:

В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынеся тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль – и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...

Марина Цветаева покончила с собой в воскресенье, в последний день лета 1941-го года, в пору красной рябины и августовских звездопадов. И разве не удивительно ещё одно совпадение: последняя земная улица, по которой везли гроб с телом Цветаевой на кладбище, называлась «Московская». Помните?

По улицам оставленной Москвы
Поеду я, и побредёте вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку грома грянет, -
И наконец-то будет разрешён
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.

Немало людей сегодня сетуют, что никто не провожал Цветаеву в последний путь и могила ее затерялась. Но ведь и это было ею завещано: «Всю жизнь я только того и хотела: потеряться, раствориться, влиться, как река в море ...»

А может, лучшая победа
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...
Распастся, не оставив праха
на урну...
Может быть – обманом
Взять? Выписаться из широт?

Условная могила Цветаевой давно стало местом паломничества. И это предвидела Марина:

А издали - завижу ли я вас? -
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке чёрной
К моей руке, которой не отдёрну.
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет...

* * *

Елабуга! Почему же всё-таки Елабуга?! Ведь Цветаевой было совершенно всё равно куда ехать. Яковлеву она просила взять её с собою в Томск, Лидию Бать – в Ташкент, Лидию Поляк – в Йошкар-Олу («*Возьмите меня в качестве домработницы...*»), а вышла Елабуга. Почему? Не зная, что ответить, мы говорим: «Такова судьба». И ведь действительно *судьба*, ибо дорога в Ташкент или Томск не подарила бы ей встречу с прошлым.

Проделав последний путь Цветаевой, увидев Елабугу своими глазами и пытаясь осознать все «*с л у ч а й н ы е*» совпадения (о многом я не успеваю здесь сказать), в какой-то момент я начала верить, в то, что Елабуга – отнюдь не случайное звено в биографии Цветаевой; что в том, что она осталась в елабужской земле, есть некая высшая предопределённость и особая завершённость всего её жизненного пути.

Последняя земная дорога Цветаевой - от начала до конца - представилась мне как её прощание с прошлым, разворачивавшимся перед ней неторопливо, как при замедленной киносъёмке. Она называла это «преувеличенностью в смертный час».

Минуло полвека, а странные совпадения всё продолжают. Самую последнюю переключку Елабуги с Тарусой мне неожиданно подарил интернет. Уточняя запись на тарусском цветаевском камне, я увидела, что теперь к нему ведёт специальный дорожный знак. На нём крупными буквами написано: «Кенотаф Марины Цветаевой». Я не знала значения этого слова. Оказалось, что кенотаф — это род символической могилы, то есть надгробие, под которым нет останков покойного. Таким образом, получается, что у Марины Цветаевой есть две символические могилы, два кенотафа... – один в Тарусе, другой в Елабуге.

Ну, разве это не удивительная арка, связующая начало и конец жизни великого поэта.

* * *

В сознании многих за Елабугой прочно закрепилась репутация проклятого места, где трагически оборвалась жизнь великого поэта. Долгое и я, не скрою, чувствовала неприязнь к этому городу. Но Елабуга приятно разочаровала меня тем, как достойно она вот уже более восьмидесяти лет несёт на себе нелёгкое бремя случившейся на её земле трагедии, хотя вины её в этом нет никакой. Сама Марина оправдала её, сказав, что «самоубийство не там, где его видят, и длится оно не спуск курка».

Каждый волен трактовать одни и те же факты по-разному. Так, проезжая цветаевской дорогой к месту её последнего пристанища, одни ощущают только трагедию – личности, поколения, страны; другие вспоминают череду губительных событий времени; третьи ищут факты, уточняют даты... Цветаева же мечтала о другом: *«Ни один человек, встретившийся со мною, – писала она другу – не должен уйти от меня с пустыми руками. У меня так бесконечно много всего! Умейте только брать, выбирать. Я говорю: ни один человек».*

Последняя земная дорога Цветаевой подарила мне возможность окунуться в неисчерпаемый мир её души. И я позволю себе окончить свои нетуристические размышления словами самой Марины: «И даже если я ошибаюсь, я не боюсь: мною *движет л ю б о в ь*».

Источники

1. Белкина М. Скрещение судеб. Москва, «Книга», 1988
2. Ельницкая С. Цветаева и Чорт. Сб. Статей. М., Дом-музей Марины Цветаевой, 2004.
3. Коркина Е. Летопись жизни и творчества М. И. Цветаевой. М., Дом-музей М. Цветаевой, 2014.
4. Кудрова И. Жизнь Марины Цветаевой. Санкт-Петербург, Издательство журнала «Звезда».
5. Сааякянц А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910-1922). - М.: Советский писатель, 1986.
6. Цветаева А. Воспоминания. Москва, Советский писатель, 1983.
7. Цветаева М. Кирилловны. Тарусские страницы. Калуга, 1961.
8. Цветаева М. Пушкин и Пугачёв. Избранная проза в двух томах. Том второй. Russica Publisher, Inc., New York. 1979
9. Цветаева М. В дневниковых записях дочери.
10. Цветаева М. Письма к Тесковой. Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве. 2008.
11. Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. Составление Е.Б. Коркиной. Москва Эллис Лак, 1999
12. Цветаева М. Неизданные письма. Париж, 1972
13. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Париж: Синтаксис, 1988
14. Юрский С. Кто держит паузу. Москва, «Искусство», 1989